

А.Н. Занина

ТЕОРИЯ ЭКОНОМИИ ЯЗЫКОВЫХ УСИЛИЙ:
К ИСТОРИИ ВОПРОСА

В языке нет ничего случайного: изменение как отдельных единиц языка, так и всей языковой системы в целом, обуславливается рядом причин и подчиняется определенным принципам. Одним из основополагающих процессов, оказывающих влияние на языковое развитие и функционирование, является принцип экономии языковых усилий. Данная тенденция носит универсальный характер и затрагивает все уровни языковой системы, именно поэтому принцип языковой экономии, выражающийся в производстве и восприятии языковых элементов с наименьшей затратой усилий, с определённой точки зрения может рассматриваться в качестве одной из причин языковых изменений.

Большинство лингвистов признают тот факт, что тенденция к экономии языковых средств является основным законом развития языка, приписывая ей также статус одной из главных движущих сил эволюции языка в целом (Г. Пауль [13], Г. Спенсер [18], Е.Д. Поливанов [15], А.М. Пешковский [14], А. Мартине [12]). Другие же исследователи оспаривают значение этой тенденции в истории функционирования языка (Р.А. Будагов [6]).

Еще Аристотель отмечал, что при желании говорить сжато (а значит, экономно) следует употреблять имена вместо понятий, например, «круг» вместо «плоская поверхность, все точки которой равно отстоят от центра» [2: 180].

На явление экономии в языке обращал внимание и И. А. Бодуэн де Куртене, отмечая, что «причиной, двигателем всех изменений языка является стремление к удобству, стремление к облегчению в трех областях языковой деятельности: в области произношения (фонации), в области слушания и восприятия (аудии) и, наконец, в области языкового мышления (церебрации)» [5: 386]. К факторам, вызывающим развитие языка, он относил, во-первых, «привычку, т.е. бессознательную память», а во-вторых, «стремление к удобству, выражающееся: 1) в переходе звуков и созвучий более трудных в более легкие для сбережения мускулов и нервов, 2) в стремлении к упрощению форм (действие аналогии более сильных на более слабые), 3) в переходе от конкретного к абстрактному, для отвлеченного движения мысли» [Op. cit.: 58]. В его понимании язык представляет живой организм, жизнь которого является «непрерывной органической работой <...> а в органической работе можно заметить стремление к экономии сил и неистрачиванию их без нужды, стремление к целесообразности усилий и движений, стремление к пользе и выгоде» [Op. cit.: 226].

Г. Пауль и Г. Спенсер независимо друг от друга рассматривали вопрос лингвистической экономии в ее количественном понимании. Так, Спенсер утверждал, что в процессе развития, следуя «естественным законам эволюции», язык движется от простого к сложному, т.е. длинные слова становятся короткими, а «многословные предложения – предложениями однословными» [17: 172]. В данном утверждении прослеживается идея о том, что язык движется от более сложных к более простым способам выражения одного и того же содержания,

не упрощая своей общей структуры, так как это означало бы обеднение языка и снижение его выразительных возможностей. Г. Пауль, в свою очередь, подчеркивал тот факт, что экономия не означает сужение ресурсов языка, а напротив, в комплексе с другими факторами, она обеспечивает расширение ресурсов языка, устраняя излишества. Он высказывал мысль о том, что «для языковой действительности характерна определенная тенденция к бережливости»: «в языке для всех случаев вырабатываются способы выражения, которые содержат ровно столько, сколько необходимо для понимания» [13: 302]. Пауль отмечает, что «количество используемых средств зависит от ситуации речевого контекста или от большего или меньшего сходства в духовном складе говорящих. При определенных условиях с помощью одного слова можно достаточно отчетливо передать мысль, для выражения которой при других условиях потребовалось бы длинное предложение» [Op. cit.: 372]. Таким образом, исследователи ведут речь о лингвистической экономии на отрезке речевой цепи.

Систематическое изучение лингвистической экономии связано с именами П. Пасси [24], В. Уитнея [20], Г. Суита [25], Г. Курциуса [20], О. Есперсена [10]. П. Пасси сосредоточил внимание прежде всего на фонетических изменениях, раскрывая суть данных процессов и стараясь объяснить те причины, по которым они происходят. Он обратил внимание на то, что, во-первых, язык постоянно стремится освободиться от лишнего, а во-вторых, постоянно стремится выделить необходимое. Именно первая тенденция представляет собой реализацию принципа лингвистической экономии, результатом которой являются фонетические изменения, такие как ассимиляция двух последовательных звуков, сокращение долгих звуков, а также исчезновение лишних или слабо различительных элементов. Именно Пасси ставит вопрос о неосознанности лингвистической экономии говорящим. Он полагает, что изменения, происходящие в речи говорящего, носят неосознанный характер, подчеркивая, что речь идет не о сознательном сохранении важных элементов, а о сознательном опускании лишних [24: 229]. Каким образом человек определяет, что в высказывании является важным, а что избыточным и, соответственно, подлежащим к устранению? По мнению В.Д. Девкина, «языковая экономия преднамеренна, к ней стремятся и ее достижение желательно <...>. Человек не может сознательно разбазаривать свою драгоценную энергию и обращаться неэкономно с языковыми ресурсами» [8: 78].

В. Уитней выделял лингвистическую экономию в качестве главной причины, лежащей в основе разнообразных явлений, ведущих к изменению формы слова, рассматривая данную тенденцию в качестве фундаментального лингвистического закона. Лингвистическая экономия, будучи по сути деструктивной, является в то же время и созидательной: ее действие начинается с производства тех же самых форм, которые она впоследствии должна будет изменить; ее влияние всегда сказывается в пользу подчинения субстанции того, что находится в подчинении значению, в пользу объединения и унификации того, что было изначально «общей, пространной структурой» [20: 50].

Г. Суит, исследуя причины фонетических изменений не только в английском языке, но и во многих других языках, заметил, что, например, конечные согласные в некоторых языках могут ослабляться и даже опускаться, что нико-

им образом не отображается на понимании слушающим высказывания [25: 49]. Если Пасси изначально использует термин «поиски легких артикуляций» и лишь позже переходит к термину «экономия», то Суит пользуется данным термином с самого начала.

Г. Курциус, исследуя лингвистическую экономию на фонетическом уровне, обращается к понятию «выветривание» или «изнашивание» звуков. По его мнению, более сильные (трудно произносимые) звуки постоянно переходят в более слабые (легче произносимые с точки зрения удобства) звуки. Курциус установил взаимосвязь между значениями слов и процессом «изнашивания» звуков. «Звуки и слоги, выражающие определенные значения, оказывают более сильное сопротивление изнашиванию по сравнению со звуками и слогами, которые не выражают никакого значения» [20: 156]. Основываясь на данном положении, Курциус фактически раскрывает основную причину исчезновения конца слова, наблюдаемого в ходе исторического развития многих языков. Если на начальных этапах развития, когда значения еще не закрепились за словами, необходим полный звуковой комплекс, то со временем значение фиксируется так, что менее полный звуковой комплекс, представляющий сокращение первого, оказывается достаточным. Подобные звуковые изменения, по мнению Курциуса, являются следствием тенденции к устранению менее удобной артикуляции.

Теория языковой экономии не мыслима без имени О. Есперсена. По Есперсену, речь считается экономной, когда: 1) одна и та же глагольная форма выражает разные временные отношения (в качестве примера рассматриваются глаголы “*cut*”, “*put*”, “*set*”, у которых одна и та же форма служит выражением и настоящего и будущего времен); 2) форма единственного числа вместо употребления формы множественного числа, например, в сочетании “*there is*” с существительным во множественном числе: *there is three horses*; 3) случай сжатия; 4) в целях экономии артикуляционных усилий происходит выпадение гласных и согласных [10: 241]. Лингвистическая экономия, по мнению О. Есперсена, связана с прогрессивным характером языкового развития в целом, а это значит, что только экономные языки способны достичь большей выразительности при наименьшей затрате усилий. Тем не менее, О. Есперсен отмечал, что данная тенденция к экономии лингвистических средств не является единственной причиной языкового развития [Op. cit.: 360].

Л. Блумфильд, рассматривая фонологическую систему английского языка, пришел к выводу, что наиболее «распространенным типом изменений является ослабление согласных между гласными и другими открытыми звуками» [3: 408]. В результате артикуляционной экономии в области синтаксиса английского языка использование слов-субститутов в речи делает ее не только экономной, но и живой и гибкой.

Г.К. Ципф, исследуя зависимость длины слов от частотности их появления в речи, пришел к выводу, имеющему прямое отношение к проявлению закона лингвистической экономии: он установил, что длина слова уменьшается по мере увеличения частотности его употребления. Подобным образом Ципф исследовал взаимосвязь частотности употребления фонем и усилий, затрачиваемых на продуцирование высказывания. В результате он пришел к выводу, что

речевое поведение также регулируется «принципом наименьшего усилия» [20: 27]. По Ципфу, редкая встречаемость сложных фонем и частота употребления простых фонем являются следствием процесса экономии произносительных усилий. Данное утверждение было подвергнуто критике со стороны А. Мартине, который не исключал возможности выбора говорящими фонем с наиболее сложной артикуляцией [12: 176].

Согласно Ф. де Соссюру, закон наименьшего усилия может раскрыть причину многих фонетических явлений, таких как, например, переход смычной в аспират, отпадение конечных слогов во многих языках, явление ассимиляции, монофтонгизация дифтонгов [17: 140]. Д. Керм изучал принцип экономии языковых усилий на грамматическом уровне. Он указывает на простоту герундия в английском языке, а также то, что герундий, «имея два времени, может выражать все временные различия, выражаемые гораздо более сложной формой личного глагола, и хотя в нем нет специальных форм для выражения наклонения, он может довольно точно выражать некоторые отношения, выраженные сослагательным наклонением» [22: 485].

В.Г. Адмони, рассматривая экономию языковых усилий в области грамматики, отмечает, что исчезновение формальных признаков рода и падежа у немецких существительных и передача этих категорий в детерминативах, являются следствием закона речевой экономии. Он признает тенденцию языковой экономии в качестве доминирующей в языковом развитии: «момент экономии сопричастствует в очень многих процессах грамматического строя, но как момент отнюдь не определяющий» [1: 60].

Глубокое и систематичное освещение вопроса лингвистической экономии получило в исследованиях А. Мартине [12], З. Хэрриса [21], в работах отечественных лингвистов В.А. Богородицкого [4], А.М. Пешковского [14], Е.Д. Поливанова [15], Ю.С. Степанова [19], В.П. Кобкова [11], Б.П. Дюндика [9], Н.В. Варгиной [7], О.И. Реуновой [16]. Важно подчеркнуть, что если раньше рассмотрение вопроса экономии ограничивалось в основном, фонологией, то в XX веке оно распространяется как на морфологию, так и на синтаксис, охватывая, таким образом, все уровни языка.

Ученик и последователь И.А. Бодуэна де Куртене В.А. Богородицкий неоднократно указывал на реализацию тенденции экономии лингвистических усилий в языке, проявляющуюся в опрощении сочетания слов, артикуляционном облегчении звукосочетаний [4: 217].

А.М. Пешковский рассматривает лингвистическую экономию в диалогической речи. Согласно Пешковскому, речевая деятельность людей регулируется неким законом, помогающим экономить речевые усилия говорящих: «опущение того, что дано в мысли обстановкой речи или общностью предыдущего опыта говорящих, составляет норму для языка и объясняется законом всей нашей деятельности, а не только речевой: законом экономии сил» [14: 117].

По А. Мартине, принцип лингвистической экономии является определяющим в изменении языковой системы: «Термин “экономия” включает в себя все: и ликвидацию бесполезных, и новоявление новых различий, и сохранение существующего положения. Лингвистическая экономия – это синтез действующих сил» [12: 130]. Языковая эволюция «определяется постоянным проти-

воречием между присущими человеку потребностями общения и выражения и его стремлением свести к минимуму свою деятельность, умственную и физическую» [Ibid]. Человек должен расходовать ровно столько речевых усилий, сколько требуется для того, чтобы его речь была понятной собеседникам. А. Мартине приходит к выводу, что в любом языковом коллективе делается все возможное, чтобы сохранить равновесие между потребностью выражения и числом знаков, необходимых для такого выражения. С увеличением числа знаков увеличиваются затрачиваемые усилия, что является неэкономным, тогда как сохранение равновесия служит проявлением экономии. Именно А. Мартине указывал на то, что принцип экономии распространяется на все уровни языковой системы.

Е.Д. Поливанов в качестве причины, лежащей в основе всех языковых изменений, называл человеческую лень: «Этот коллективно-психологический фактор, который всюду при анализе механизма языковых явлений будет проглядывать как основная пружина этого механизма, действительно, есть то, что, говоря грубо, можно назвать словами: “лень человеческая”, или – что тоже – стремление к “экономии трудовой энергии”» [15: 55]. В этой связи интересно замечание В. Уитнея, который считал, что экономия может перерасти в лень, так как в этом случае теряется больше, чем приобретается. Поэтому здесь следует говорить о мнимой экономии, или «ленивой расточительности», которая функционирует в языке одновременно с подлинной экономией, но с полным отсутствием заблаговременной обдуманности тех результатов, к которым она ведет [20: 50].

Наряду с языковой экономией, многие исследователи упоминают экономию умственную или ментальную. Так, Г. Фрей первым из лингвистов высказал мысль о том, что в практике речевой деятельности существует два вида экономии: экономия на оси речи и экономия на оси памяти. Экономия на оси речи Фрей называет логической или разумной; она вызывается логической необходимостью говорить кратко и ясно. В его книге «Грамматика ошибок» выделяется набор «необходимостей», которые лежат в основе функционирования языка: 1) необходимость экономии; 2) необходимость уподобления (аналогии); 3) необходимость краткости; 4) необходимость неизменяемости; 5) необходимость выразительности [23: 108].

Не все лингвисты признавали закон лингвистической экономии. Так, Р.А. Будагов в статье «Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка?» критически высказывается в адрес исследователей, признающих ведущую роль принципа экономии в языке. По его мнению, многие даже не понимают самого значения слова «экономия» и его соотносимость с языком: «с самого начала следует расчлнить проблему <...> речь будет идти не о том, насколько “экономны” отдельные слова, словосочетания или предложения в отдельных языках, а об “экономии” как об общем понятии, на основе которого стремятся объяснить важнейшие процессы развития и функционирования языка. Различия между двумя видами “экономии” – надо подчеркнуть тем сильнее, чем чаще они практически смешиваются и даже отождествляются. Говорят, например, – “вот это аббревиатура такого-то слова или выражения”, сле-

довательно, язык действует по принципу “экономии”. Между тем подобное заключение несостоятельно. “Сокращаясь” в одних своих сферах, язык обычно “расширяется” в других своих сферах. Поэтому отмеченное заключение – результат антисистемного понимания языка» [б: 17]. Иными словами, он отрицает проявление тенденции лингвистической экономии в тех или иных частях языковой системы, поскольку в процессе развития язык обогащается выразительными средствами, а также пополняет и дифференцирует свой словарь. Представляется, что обогащение языка никак не отрицает бережливость при формировании и использовании языковых средств. Кроме того, тот факт, что язык, сокращаясь в одних сферах, обычно расширяется в других, скорее не отрицает действие лингвистической экономии, а указывает на необходимость учета совокупности тенденций, происходящих в языке и определяющих его развитие. Это касается тенденции к избыточности, которая особенно часто проявляется на семантическом и синтаксическом уровнях. Будучи средством уменьшения семантических помех, избыточность отвечает требованию точности передаваемой и получаемой информации, т.е. соответствует принципу экономии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. – Л.: Наука, 1964. – 105с.
2. Античные теории языка и стиля / Под ред. О.М. Фрейденберг. – Л.: Наука, 1936. – 341 с.
3. Блумфилд Л. Язык. – М.: Прогресс, 1968. – 607 с.
4. Богородицкий Б.А. Общий курс русской грамматики. – М. –Л.: Госсэкономиздат, 1935. – 354 с.
5. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – М.: АН СССР, 1963. – Т. 1. – 384 с.
6. Будагов Р.А. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? // Вопросы языкознания. – 1972. – № 1. – С. 17–36.
7. Варгина Н.В. К вопросу о происхождении слова-заместителя *one* в английском языке // Вестник ЛГУ. – 1961. – № 20. – С. 109–121.
8. Девкин В.Д. Особенности немецкой разговорной речи. – М.: Международные отношения, 1965. – 318 с.
9. Дюндик Б.П. К вопросу об экономии в языке и речи // Проблемы синтаксиса английского языка. – М.: Наука, 1970. – С. 139–151.
10. Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. – 404 с.
11. Кобков В.П. Замещение, опущение и совмещение как способы сжатия текста без утери информации // В помощь преподавателям иностранных языков. – Новосибирск: Новосибирск. гос. ун-т, 1974. – С. 49–73.
12. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях: проблемы диахронической фонологии. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 301 с.
13. Пауль Г. Принципы истории языка. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 499 с.
14. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Просвещение, 1956. – 211 с.
15. Поливанов Е.Д. Где лежат причины языковой эволюции? // История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка: хрестоматия / Сост. Ф.М. Березин. – М.: Высшая школа, 1981. – С.51–56.

16. Реунова О.И. Эллиптические предложения в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1968. – 21 с.
17. Ф. де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – М.: Соцэкгиз, 1933. – 272 с.
18. Спенсер Г. Основные начала. – Киев: Вища школа, 1986. – 375 с.
19. Степанов Ю.С. Основы языкознания. – М.: Просвещение, 1966. – 271 с.
20. Хрестоматия по английской филологии / Сост. О. В. Александрова. – М.: Высшая школа, 1991. – 253 с.
21. Хэррис З. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1962. – Вып. III. – С. 528–636.
22. Curme G.O. F Grammar of the English Language. – Boston: D.C. Heath and Company, 1935. – 616 p.
23. Frei H. La Grammaire des Fautes. – Paris: Geuthner, 1929. – 317 p.
24. Passy P. Etude sur les changements phonetiques et leurs caracteres generaux. – Paris: Geuthner, 1990. – 67 p.
25. Sweet H. A Primer of Phonetics. – Oxford: Oxford University Press, 1960. – 115 p.

О.В. Илясова

РОЛЬ МЕХАНИЗМА АНАЛОГИИ В ЯЗЫКЕ

Термин «analogia» 'соразмерность значения или выражения' был заимствован у греков римскими грамматиками для обозначения тенденции к сохранению или установлению соответствия между мыслью и высказыванием в противоположность обратной тенденции, называемой аномалией. В настоящее время этим термином обозначают ассимилятивное влияние, которое оказывают друг на друга формы, привычно ассоциируемые и сближаемые.

Иногда различают материальную аналогию, которая имеет место между формами, принадлежащими к одной парадигме (франц. je trouve, перешедшее в je trouve под влиянием nous trouvons) или близкородственными по смыслу или этимологии, и формальную аналогию, действующую между словами одного типа (cloutier, образованное по образцу pot-ier) или словами, имеющими одну и ту же функцию (распространение во французском языке причастия на -и).

Известны также смысловая аналогия и грамматическая аналогия. Эти термины используются, когда рассматриваемые слова соответствуют друг другу по значению или форме; грамматическая аналогия может быть внешней и внутренней, смотря по тому, действует ли она как материальная или формальная аналогия.

Пропорциональная аналогия определяет характер отношений, объединяющих рассматриваемые элементы попарно: pot так относится к potier, как clou к x, x=cloutier. Уравнительная аналогия приводит к большему сходству ассоциируемых форм (случай je trouve, nous trouvons), а созидательная аналогия приводит к образованию нового слова (случай clou, cloutier).

Слово, которое служит отправной точкой аналогического процесса, называется аналогическим образцом (basis of analogy).

Морфологическая/лексическая аналогия определяет, входят ли возникшие формы в какую-то систему (словоизменения, словопроизводства) или они изо-